

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Капица, С. Культуру надо насаждать! Даже силой... / С. Капица // Аргументы и факты в Беларуси. – 2008. – № 7.
2. Фрэнкин, Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты / Р. Фрэнкин. – СПб.: Питер, 2003. – 651 с.
3. Seligman, Martin E.P. What You Can Change & What You Cannot Change. Annual Editions: Psychology. 1996/97. – P. 250–257.
4. Gallagher, Winifred. How We Become What We Are. Annual Editions: Psychology. 1996/97. – P. 25–35.
5. Майерс, Д. Псіхалогія / Д. Майерс; пер. з англ. – Мінск: ТАА «Лекцыя», 1997. – 560 с.
6. Pervin, L.A., Cervone, D., John, O.P. Personality. Theory and Research. Ninth Edition. John Wiley & Sons, Inc., 2005. – 618 p.
7. Bandura, A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986. – 484 p.
8. Goldiamond, I. A Diary of Self-Modification. The Best of Psychology Today. McGraw Hill, Inc., 1990. – P. 188–196.
9. Kohlberg, L. Moral Stages and Moralization. Moral, Development and Behavior. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1976. – 416 p.
10. Митина, Л.М. Индивидуальный подход и схематическая типизация учащихся / Л.М. Митина // Вопросы психологии. – 1991. – № 5. – С. 28–35.

Матэрыял паступіў у рэдакцыю 15.09.2008.

Потенциал учебных предметов и дисциплин в развитии способности к человеколюбию

Т.Е. Титовец

В статье рассматривается потенциал различных учебных дисциплин в формировании у учащихся способности к человеколюбию. Приводятся примеры из современных научных исследований по человековедению, которые могут существенно обогатить содержание обучения и придать ему развивающий и воспитывающий характер.

В одном из зарубежных журналов по проблемам образования были опубликованы результаты социологического исследования недостатков в подготовке профессиональных кадров, наиболее трудно поддающихся коррекции. Были опрошены ведущие учёные, педагоги-практики, недавние выпускники вузов. Оказалось, наиболее острые проблемы подготовки специалиста сводятся к одному и тому же: как сформировать такой уровень профессионального мышления и этики, чтобы выпускник вуза смог, во-первых, спрогнозировать самые отдалённые последствия своего решения для развития человеческого рода, т.е. оценить человекомерность предлагаемой инновации в долгосрочной перспективе, и, во-вторых, не утаить её «побочные эффекты», а предупредить о возможной её опасности для других сторон человеческой жизнедеятельности, открыто признать эту опасность даже в ущерб своим узкопрофессиональным интересам.

*Татьяна Евгеньевна Титовец,
кандидат педагогических наук,
докторантка кафедры педагогики
БГПУ имени М. Танка*

Как только стала осознаваться проблема честности профессионального труда, в вузах и школах снова заговорили о важности формирования у гражданина твёрдой ценностной основы, которая бы позволила ему отказаться от опасного решения, даже если оно влечёт за собой ощутимую материальную выгоду или поднимает спрос на его профессию.

В условиях растущей конкуренции становится всё сложнее сформировать такую чистоту профессиональных намерений, которая гарантирует выбор в пользу человеческого блага, а не собственных прагматических интересов. Обращение к этой проблеме требует выявления тех оснований профессиональной честности, которые и обуславливают готовность человека жертвовать своими интересами на благо другого. По нашему мнению, такой предпосылкой является человеколюбие, уважение к человеческому достоинству, что делает ценность человеческого существования приоритетным среди других мотивов принятия решений в профессиональной сфере и жизнедеятельности.

До недавнего времени основная ответственность за формирование у растущей личности способности к человеколюбию возлагалась на учебные предметы и дисциплины филологического и этического циклов. Так, на примерах из художественной литературы раскрывалась красота человека, способного

сделать выбор в пользу справедливости, общего блага и истины. Однако, как подтверждают беседы со старшеклассниками и студентами, романтический идеал человеколюбия, воспетый художественным словом, не становится объектом для подражания, поскольку в реалиях жизни он блекнет перед идеалом прагматичного, «трезво оценивающего ситуацию» человека (как выразились о себе опрошенные). Вот некоторые из реплик молодых людей, с которыми мы обсуждали проблему «Можно и нужно ли любить каждого?»:

«Научить меня любить всех – это невозможно. Я могу любить своих родителей, брата, лучших друзей, в конце концов. Но, позвольте, как можно любить всех, человека как такового?»; *«А зачем вообще любить каждого? От этого в жизни только больше проблем»*; *«А я считаю, любить всех и говорить, что люблю человека как такового, – это значит на самом деле никого не любить»*; *«А по моему мнению, есть категория людей, которые вообще не заслуживают уважения. Как можно любить убийц, например?»*; *«Согласен, и более того, о любви хорошо говорить, когда твои интересы не затронуты. Там, где тебе нагло переходят дорогу, вся твоя готовность любить – заметили? – куда-то испаряется. Я думаю, инстинкт самосохранения всегда выше любви, не считая, конечно, самых близких тебе людей. Ради них-то на что угодно пойдёшь. Даже рискуя собой»*; *«А зачем кого-то противного тебе любить, если можно притвориться, что его уважаешь и любишь, сохранить с ним хорошие отношения, а самому про себя или дома обзывать его последними словами, сколько душе угодно. Мой отец так постоянно делает, и всё у него на крючке, а работа идёт как по маслу»*.

Высказывания выпускников школ и студентов выявляют основной барьер в формировании человеколюбия у обучаемого: его сложившееся под влиянием социальной среды и семьи заведомо скептическое отношение к практике человеколюбия. У многих в результате плачевного жизненного опыта проявляется недоброжелательность к определённой категории людей, с которыми они имели неприятные столкновения в прошлом, или сформировалось ложное убеждение, что

успеха они добились там, где отстаивали выбор в пользу собственных интересов.

Вероятно, чтобы побудить такого учащегося пересмотреть своё отношение к человеку, а впоследствии сделать интересы Другого руководящим принципом профессиональной этики, нужно задействовать все учебные предметы (или дисциплины), которые раскрывают причины и основания для уважения личности как таковой, обладающие более весомой аргументацией, чем индивидуальные выводы из пережитых единичных случаев.

Культурологические дисциплины, а также любые дисциплины (или школьные предметы), где приводится сравнительный анализ культур.

Существенным для формирования человеколюбия в процессе преподавания этих дисциплин является отказ от этноцентризма (от деления на цивилизованные и примитивные культуры). Большинство представителей научного сообщества сегодня избегают терминов «цивилизованный» и «примитивный» как оценочных суждений о качестве культуры. Ведь каждая популяция адаптируется к окружающей среде своим способом, что исключает сравнение. Результаты исследований кросс-культурной психологии утверждают: нельзя говорить о разнице в уровнях интеллекта целых народов, существуют лишь разные способы мышления. В подтверждение этой идеи обычно приводят такой пример. Нам с детства известно, что такое «право» и «лево». Мы говорим, что справа от нас в данный момент находится дверь, а слева – окно. Но если мы повернёмся спиной, правое от нас будет называться левым. На острове Бали понятия «право» и «лево» в обыденной речи не используются, а вместо них говорят, находится ли предмет в стороне заката или восхода солнца. Означает ли это, что их интеллект менее развит? На первый взгляд, означает, потому что система ориентировки признаётся более примитивной, если пространственные координаты не меняются в зависимости от наблюдателя. Но всё дело в том, что на острове с буйно развитой растительностью, где нет улиц и перекрёстков, такая модель пространственной ориентации работает значительно быстрее нашей и оказывается гораздо нужнее и по-

лезнее, чем использование концепта «право-лево». Более того, сами традиции островитян требуют быстрого умения в любой ситуации определять запад и восток, так как от этого зависит и расположение дома, и кровати в комнате, и поворот туловища при молитве или приветствии собеседника.

Приведём ещё один аргумент против сравнения качества интеллекта у разных народов. У каждого этноса существуют свои представления о том, что должно решаться с помощью разума, а что – с помощью чувств. Одно и то же действие может считаться у одного народа умственным, а у другого – чувственным. И при явном преимущественном развитии рационального интеллекта у европейца нельзя говорить о его более высоком уровне общего развития, потому что его эмоциональный интеллект намного уступает восточноазиатскому, а телесно-кинетический интеллект вообще будет считаться в зачаточном состоянии по африканским меркам. У разных народов рациональное познание обладает разной мерой ценности, но важно лишь то, что все они проявляют способность к познанию. Способ познания диктуется образом жизни в данных климатических условиях и рассматривается лишь как адаптивная характеристика, а не уровень интеллекта.

Исторические и биологические дисциплины, а также любые дисциплины (или школьные предметы), где изучается антропогенез.

Их воспитательный смысл – в раскрытии взаимосвязи между способностью индивида к человеколюбию и процессом человеческой эволюции. Действительно, способность к человеколюбию успешнее формируется у тех, кто осознаёт, почему в ходе эволюции возникло это качество – любить себе подобного. Обратимся к исследованиям этологии (науки о поведении животных), чтобы увидеть специфику человеческой любви. Австрийский учёный Конрад Лоренц подтверждает, что некоторые проявления любви к слабым, детям носят у человека инстинктивный (животный) характер, однако это не означает, что любовь человека идентична отношениям животных. Главным отличием человека является способность любить не

только своего детёныша и члена своего племени, но и любого человека, чужака. Высота человеческой любви проявляется в умении любить даже врага, что не имеет аналога в животном мире. Почему такая любовь потребовалась именно человеку?

Как утверждают антропологи, неандерталец именно потому и был вытеснен кромањоном, что неандертальцы не заботились о старшем поколении, рано теряли стариков и, соответственно, не могли воспользоваться их мудрыми советами. Способность к человеколюбию принесла эволюционную выгоду.

Доказательством необходимости любви к себе подобному служит и отсутствие природного оружия у человека. «Когда в ходе своей эволюции животные приобретают опасное оружие, при помощи которого индивидуум может одним ударом убить другого себе подобного, одновременно, в целях сохранения вида, развиваются и особые сдерживающие механизмы, препятствующие неумеренному использованию такого оружия. Система наследственных сдерживающих импульсов вместе с оружием, приобретённым общественными видами животных в процессе эволюции, образует единый отрегулированный комплекс. Обе его составные части развивались параллельно. Лишь у одного вида живых существ из всех обитающих на Земле оружие не является частью его организма и, следовательно, инстинкт не налагает ограничений на его применение. Это существо – человек» [1, с. 384]. Логично предположить, что одной из функций данной человеку способности любить является функция социального сдерживателя в случае применения оружия против себе подобных.

Таким образом, предпосылкой воспитания человеколюбия становится ценностное отношение к способности любить себе подобного, видение за этой способностью эволюционного механизма, позволяющего человеку выживать. И здесь большая роль отводится антропологическим знаниям.

Филологические дисциплины (или школьные предметы).

Изучение любого языка (родного и иностранного) может также стать доказательством потенциально заложенной в природе человека способности к человеколюбию,

если показать, как она отражается на функционировании языка и облегчает языковое мышление.

Ещё в 1980 году исследователь в области когнитивной психологии и лингвистики С. Осгуд открыл закон, согласно которому положительные слова легче поддаются когнитивной обработке. Это слова, имеющие положительную коннотацию, т.е. значение с оттенком одобрения определённого события, его позитивной оценки. Почему отрицательные слова не поддаются такой лёгкой когнитивной обработке? Как было выяснено, во всех языках мира слова с отрицательным значением чаще всего являются маркированными, т.е. имеют расширение в виде приставок и суффиксов («красивый» – «некрасивый»). Такое совпадение не случайно. Любой язык, который делится на слова с расширением и без расширения, уже сам подсказывает облегчённый способ мышления – мышление положительными словами, а значит – нравственными категориями. Язык как будто подсказывает: твори с помощью положительных слов – слов без расширения, т.е. смотри на всех добрым взглядом, с любовью. И действительно, психологи подтвердили, что сочинять с помощью нерасширенных слов легче – экономятся умственные и энергетические усилия [2].

Психологические и социальные дисциплины, а также дисциплины (и учебные предметы), где возможно изучение биографии человека.

Они помогают привить человеколюбие и терпимость, которые необходимы в работе с людьми, вызывающими у нас презрительное отношение, частично решая парадокс уважительного отношения к людям, которые уважения не заслуживают.

В частности, психология позволяет научить понимать зависимость поведения и психических черт индивида, с которым нам приходится общаться, от сложившихся факторов его развития. Действенную помощь в этом могут оказать имеющиеся в западно-американской психологии концепции личности о заблокированных духовных потребностях и нереализованном потенциале. Такое знание позволяет овладеть методом эмпатического перевоплощения: перенаправления

изначальной реакции гнева и возмущения, которую вызывает поступок или поведение человека, от него самого к обстоятельствам его взросления. Как только происходит сдвиг от реакции возмущения поведением к поиску психологических механизмов компенсации нереализованных потребностей его носителя, реакция гнева смягчается.

В целях обучения эмпатическому перевоплощению в практику образования может успешно вводиться такой метод, как анализ персогоненных ситуаций развития – событий жизненной биографии знаменитых людей, которые спровоцировали формирование того или иного качества личности.

В английских университетах обнаружили другой подход к решению проблемы формирования терпимости к клиенту, причём обнаружили совершенно случайно, преследуя иные цели.

В курс кросскультурной психологии в ознакомительных целях ввели такой учебный модуль: африканские концепции личности. Студентам предлагалось посмотреть на личность любого человека глазами африканца и оценить законы существования индивида через призму концептов африканской культуры. И они обнаружили, что африканцам в какой-то мере легче полюбить себе подобных, в том числе и нерадивых, в от-

личие от европейцев. Оказывается, согласно африканской концепции личности, у каждого человека есть духовный принцип (душа), который принадлежит сфере предков, а значит черпает из неё энергию, которая проявляется в жизненной силе тела (его здоровье). Именно этот фрагмент сферы духа, который присутствует в теле каждого, и заставляет африканца любить себе подобного, любить не столько самого человека, сколько отпечаток его духовной сферы. Не случайно в Африке приветствие друг друга более длительно, церемониально и обязательно сопровождается улыбкой: этим африканцы выражают уважение к духу друг друга. Таким образом, человек признаётся физически и психически здоровым только тогда, когда в нём при жизни сохраняется незаблокированным канал связи с миром духов. Корень же многих болезней видится в блокировке духовного принципа, потери его взаимосвязи с духовной сферой предков, что приравнивает лечение болезни к восстановлению этой связи: исцеление – это всегда снятие конфликта.

Если африканец проявляет уважение к духу другого, почему бы, как сделали вывод студенты, нам подобным же образом не искать духовное начало в каждом человеке, кланяться ему, уважать воплощение духа в человеческом облике.

Дилемма проблемы человеколюбия в современном обществе сводится к вопросу: «Как же любить и уважать достоинство человека, если это достоинство становится всё менее очевидно?». Прежде чем полюбить, нужно увидеть объект своей любви.

Отсюда напрашивается вывод, что миссия образования, которое начинается задолго до знакомства со школьными предметами, состоит в том, чтобы научить человека это достоинство видеть, распознавать за оболочкой слабости, помогать ему раскрыться. Такое видение идеала человеческой природы, того, что составляет основу уважения к себе подобному, пронизывает все науки, основы которых преподаются в учебных заведениях. Не оно ли должно стать основанием для учебных предметов и дисциплин, интеграции, основанием органичным и природосообразным, существовавшим ещё задолго до разделения веры и науки, разума и чувств?

Список использованных источников

1. Лоренц, К. Человек находит друга; Кольцо царя Соломона / К. Лоренц. – М.: Армада, 1995. – 394 с.
2. Кросс-культурная психология. Исследования и применения / пер. с англ. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2007. – 560 с.

Материал поступил в редакцию 15.09.2008.